

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director

TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 14 de octubre de 1969

Буэнос Айрес, вторник 14 октября 1969 года № 1025

А. МАКРИДИ

Н. В. ГОГОЛЬ

1809 — 1969

(ПАМЯТНАЯ СПРАВКА)

В этом году исполнилось сто шестьдесят лет со дня рождения основоположника реалистической и сатирической русской прозы, Николая Васильевича Гоголя-Яновского. Многие считают его из всех писателей самым русским.

Гоголь был современником Пушкина, его почитателем и учеником. В свою очередь, Пушкин, подобно тому, как старик Державин его заметил и в гроб сходя благословил, распознал и оценил в Гоголе огромное явление для нашей литературы, раньше и лучше всех.

Пушкин щедро делился с Гоголем не только общими мыслями, но и литературными планами, и даже сюжетами; как известно, “Ревизор” и “Мертвые души” осуществлены Гоголем по темам, подаренным ему Пушкиным. Эти два произведения так тесно сплетены с именем Гоголя в нашем сознании, что оно просто отказывается усвоить мысль о случайности, по которой они написаны не Пушкиным.

Обоих писателей роднила не только общность взглядов на искусство, но и убежденность в своей просветительной миссии. Возрастная разница в десять лет оказалась достаточной, чтобы Гоголь не только продолжил, но в основных чертах и завершил начатое Пушкиным расширение русской словесности от ложного классицизма. Пушкин в поэзии, Гоголь в прозе нашли общий и безошибочный путь, по которому вскоре же их последователи вывели нашу литературу, как самобытную, на одно из первых мест в мире.

Литературные способности Гоголь унаследовал от отца. Василий Афанасьевич был неплохим сочинителем, к тому же страстным театралом. Почти до последних дней своих он работал в домашнем театре украинского магната Трошинского драматургом, постановщиком и актером. Василий Афанасьевич часто брал с собой на репетиции сына, что при восприимчивости и впечатлительности последнего, в его будущей драматургической деятельности сыграло не последнюю роль.

После смерти отца, бытовая обстановка пятнадцатилетнего Гоголя изменилась к худшему. И в дальнейшем, жизненный путь его розами усыпан не был.

Любопытно, что в школе Гоголь никому и никаких надежд не подавал. Избалованный дома, в школе он учился и вел себя дурно, досажая проказами учителям и озобочивая училищное начальство. Вероятнее всего, однако, происходило это не столько от лени и шаловливости, сколько от неудовлетворенности замшелыми преподавателями, в частно-

сти, и в особенности учителем словесности, решительно отвергавшим все, что следовало после Державина, в том числе и творчество Пушкина, которого Гоголь боготворил смолodu.

В пользу такого предположения говорит самообразование, которым Гоголь занимался параллельно со школьным учением. Он организовал с несколькими одноклассниками литературно-театральный кружок и выписывал с ними в складчину все новинки отечественной литературы. С некоторыми из этих “однокорытников”, как называл их Гоголь, он сохранил тесную связь до самой смерти.

Кое-как закончив курс в Нежинском лицее, идеалистически настроенный юноша, преисполненный мечтами и наивными надеждами, с толстой связкой рекомендательных писем и с самоуверенностью, свойственной его возрасту, ринулся на ловлю счастья в блистательный Санкт-Петербург.

Северная столица встретила пылкого провинциала надменно и сурово. Рекомендательные письма почти никакого действия не произвели и для того, чтобы обзавестись теплым пальто, Гоголю потребовалось два с половиной года, в течение которых будущий знаменитый писатель познал острую нужду и познакомился с бытом беднейших петербуржцев. Он испил чашу таких лишений, как голод, холод и бесприютное одиночество. Самое же главное — горькое разочарование и сомнение в своих силах.

Попытки его утвердиться на литературном поприще, с первых же шагов потерпели полный провал. Его рукопись повсеместно браковалась. Эта самая горестная из всех неудач сыграла, однако, положительную, если не решающую роль в карьере начинающего писателя. Она до предела обострила в нем тоску по его прекрасной, гостеприимной, солнечной и зажиточной родине, на которой протекало его недавнее безмятежное детство. И под влиянием этой тоски, Гоголь начал слагать в честь своей родины подлинные оды, исполненные дотоле неизвестной на севере богатейшей украинской мифологии и составившие серию изумительных повестей и рассказов, объединенных названием “Вечера на хуторе близ Диканьки”, знакомых каждому русскому школьнику уже почти полтора столетия.

Напуганный первоначальным провалом, Гоголь теперь скрылся под псевдонимом, на случай, если его снова забракут в печати. Но этого не случилось и то, что не удавалось молодому Гоголю, удалось “старому пасечнику”, названно-

му Рудым Паньком: невский лёд был пробит, рассказы начали печататься и удостоились благосклонного внимания самых строгих критиков. Еще бы! Ни до, ни после Гоголя, никто так трогательно и красиво Украину не воспел, что к стати, не мешает иным самостийникам до сих пор презрительно отворачиваться от великого украинца только потому, что писал он по-русски.

С помощью Рудого Панька Гоголь проник в сердце писательских кругов и приобрел знакомства, оказавшие самое благотворное влияние на развитие его таланта. Больше всего он черпал силы для вдохновения из непосредственного общения с Пушкиным и Жуковским. Под их влиянием у созревшего писателя “Вечерами” да еще несколькими произведениями ограничилось идиллическое начало его литературной стези и окрепший Гоголь вступил во второй период своего роста.

Если коммунисты придумали для политической пропаганды довольно расплывчатое направление, объявленное “социалистическим реализмом”, то второй период гоголевского развития мы вправе назвать реализмом национальным. В нем Гоголь и утвердился, преодолев короткий искус романтизма и даже мистицизма. Второй период можно рассматривать, как основной, самый продуктивный, если можно так выразиться — собственногоголевский.

Необходимо вспомнить, что в самый разгар писательского успеха Гоголем овладело неопределимое влечение к педагогической деятельности. С помощью приобретенных связей, забросив литературу, Гоголь добился получения кафедры в Петербургском университете и стал читать курс истории. Но его знания хватило только на две лекции и первоначальное признание Гоголя на новом поприще, довольно быстро сменилось сомнением в его учености, а еще позже, прямым разочарованием и недовольством, вынудившим Гоголя к уходу из университета, после чего, он с удвоенной энергией стал снова писать и целиком сосредоточился на “Ревизоре”.

Ни одно произведение, если не считать его позднейших философских опытов, не доставило Гоголю столько хлопот, волнений и огорчений, сколько эта комедия. Написать ее оказалось значительно легче, чем поставить на сцене. С большим трудом и настойчивостью пришлось автору преодолевать косность вышколенных в сентиментальных трагедиях, французских мелодрамах и водевиллях актеров Александринского театра. Они оказались совершенно неподготовленными для исполнения новых, дотоле неведомых на сцене гоголевских ролей.

С грехом пополам преодолев рутину, закулисные интриги и противодействие, граничившее с вредительством, Гоголь натолкнулся на новое препятствие, показавшееся сразу непреодолимым — цензуру, усмотревшую в комедии подрыв общественных и государственных устоев. Однако, с помощью Жуковского, заинтересовавшего комедией самого царя, и это препятствие было обойдено; царю комедия понравилась и он повелел снять с нее цензурные ограничения.

Император Николай I сам присутствовал на премьере. Покидая театр, Он сказал: НУ И ПЬЕСА! ВСЕМ ДОСТАЛОСЬ, А БОЛЬШЕ ВСЕХ МНЕ...

В комедии не было ничего, хоть намёком затрагивавшего царя или царскую власть. И слова государя следовало понимать в том смысле, что все огрехи подвластной ему империи, все ошибки и проступки подначального ему чиновничества, он откровенно принимал на свой счет, признавая этим свою личную, как самодержца, ответственность за все, что делалось в стране.

Безуховы и Болконские могли бы быть. Каратаевых и Свидригайловых быть не могло. Плюшкины могли быть, как могли быть и Обломовы, но ни один из этих героев никак не характеризует национальной психологии русского народа.

Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни.

Не Обломовы, а Дежневы, не Плюшкины, а Минины, не Колупаевы, а Строгановы, не “непротивление злу”, а Суворовы, не “анархические наклонности русского народа”, а его глубочайший и широчайший во все и ст о р и и человечества государственный инстинкт.

Иван СОЛОНЕВИЧ

Такого признания мы никогда не слышали, никогда и не услышим ни от одного президента, председателя, комиссара или диктатора. В этом — значение, сила и преимущество самодержавия, как диктатуры совести. Но угодливые царедворцы этого не поняли и истолковали восклицание императора превратно; они поспешили выяснять — не следует ли все-таки комедию запретить? Государь решительно этому воспротивился и с тех пор и поныне “Ревизор” не сходит со сцены Александринского театра, считается традиционным украшением его репертуара.

Однако, наиболее острые шипы укололи Гоголя после выхода комедии в свет. “Ревизор” вызвал в столице сильное брожение и автор его неожиданно оказался меж двух огней. Консерваторы объявили комедию бунтом и говорили: “Сегодня господину Гоголю не понравился статский советник, а завтра он скажет, что и Бога нет!”

Прогрессисты и либералы, во главе с одним из самых злобых предтеч Октября, так называемым “неистовым Виссарионом” Белинским, правильнее поняли гоголевскую идею, как созидательную, преследующую цель положительную, а не отрицательную; исправление, а не уничтожение или уничтожение. “Неистовым” такая идея по душе, конечно, прийти не могли и они дружным хором присоединились к своим врагам в предании анафеме как “Ревизора”, так и его создателя.

Гоголь схватился за голову и вскричал:

— Господи Боже! Если б один, два ругали, ну и Бог бы уж с ними. А то все, все!

И несмотря на то, что театр ломился на спектаклях “Ревизора”, Гоголь не вытерпел двусторонней травли, и уже не в первый раз, сбежал за границу.

В Париже его постигло ужасное известие о гибели Пушкина. Потрясенный Гоголь принял решение, в память своего литературного наставника, закончить рекомендованные им “Мертвые души”, по окончании первого тома которых, после четырехлетнего самоизгнания, писатель вернулся в Россию.

Тут, на первых же порах, ему снова пришлось почувствовать на себе тяже-

• ВЫСКАЗЫВАНИЯ КУЗНЕЦОВА

15-го августа 1969 года, Кузнецов выступал по британскому телевидению. Он сказал: “Я хочу видеть мои книги изданными в том виде, в каком я их написал. Это мое бесповоротное решение. Когда я этого добьюсь, вы можете делать со мной, что хотите, можете меня даже убить”.

Выдержки из его “Дневника из Другого Мира” начали публиковаться в “Седней Телеграф” с 17-го августа.

В России семь миллионов его книг будут сожжены стараниями секретной полиции КГБ.

Кузнецова пугали затруднения, которые представляла жизнь в изгнании.

“Русские особенно привязаны к своей стране, — продолжал он. — Где бы они ни жили, они всегда тоскуют по своей родине. Я думал об этом психологическом препятствии целый год и пришел к заключению, что, несмотря на тоску по родине, мне все же будет лучше здесь, чем в России”.

Людмила Келер

ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

(«Листья Дуба» Г. В. Метельского)

С тщательным знанием дела и внимательностью Г. Метельский описывает судьбу древних памятников города: «Время не пощадило других древних памятников Стародуба, обрушились и исчезли с лица земли кремлевские стены, оборонительные рвы, крепостные ворота, сторожевые башни, здание ратуши, в которой была зачитана грамота Стародубу «на право Магдебургское», костел францисканов в готическом стиле — тщетная попытка поляков насадить католичество на русской земле; исчезли и остались только в названиях целые улицы вроде населенной иноземцами Немецкой, не стало казарм Стародубского полка, дома, где останавливался Петр Великий... До наших дней дошли только церкви — прекрасный памятник и творчеству безвестных зодчих, и инженерному мастерству строителей, и душе народа, который истари вкладывал в сооружение храмов свой гений, свою мечту о прекрасном. Дворцами и помещичьи усадьбами пользовались только их владельцы, даже от посторонних взоров их отгораживали ограды и зелень парков; церкви же были открыты для каждого». (стр. 55-56).

Надо сказать, что всем этим размышлениям автор предается во время поездки с секретарем райкома. Они едут на райкомовской «Волге» в Новгород-Северский. По дороге останавливаются на Волчьей горе, откуда открывается превосходный вид города. Прежде панорама эта была украшена тут и там возвышавшимися церквями. Теперь же: «той красоты, живописности, которая была раньше, уже нет. Древние величественные памятники древнерусского зодчества безвозвратно исчезли...»

И тут следует столкновение двух мировоззрений, двух совершенно различных мироощущений, людей, говорящих на разных языках:

— А что их беречь! — не оборачиваясь, а глядя вперед через ветровое стекло, говорит секретарь.

Я вижу, как он пожимает плечами, должно быть искренне недоумевая, к чему сохранять бесполезные, архаические строения, к тому же приведенные в негодность не столько временем, сколько безразличным отношением к ним.

Мы проезжаем через большое село Солову, известное еще по акту 1620 года, мимо остова обезглавленной церквушки, от одного вида которой веет стариной и историей. Церквушка полуразрушена, давно осыпалась со стен штукатурка, старинное не ржавеющее железо с крыши утилизировано на другие нужды, над распахнутыми дверями приделан уродливый толевый козырек. Наверно, церковь долго служила складом, но теперь пустует из-за угрозы обвала.

Секретарь, все время молчавший, вдруг оборачивается ко мне.

— Ну и что теперь с ней прикажете делать? —

И, не дожидаясь ответа, говорит решительно и веско: — Разобрать на кирпичи — и все! (стр. 56).

И разберут. Ведь секретарь — это власть, отдаст соответствующий приказ, соберут молодежь на добровольный «субботник» или «воскресник» и разберут на кирпичи. Об этом пишет и Солженицын в миниатюре «Прах поэта»: «... колхоз купил обе церкви за сорок тысяч рублей — на кирпичи, хотел шестирядный коровник строить. Я тоже нанялся: пятьдесят копеек платили за целый кирпич, двадцать за половинку. Только плохо кирпичи разнимались: все комками с цементом». То, что кирпичи плохо разнимаются, конечно, не остановит родимых власть имущих варваров, а молодежь будет думать, что так и надо, несмотря на то, что предки их в этих церквях и крещены были, и венчались, и отсюда их выносили в последний путь.

Надо сказать, что Г. Метельский по крохам собирал сведения о местных достопримечательностях; он почерпнул их из старых хроник, газет, журналов, книг и для него эти памятники не просто камни, а живая летопись славного прошлого. Для него разрушение этих памятников «жгучая обида»: «Архитектурные памятники Стародуба... О них я не могу говорить без жгучего чувства обиды и боли за родную землю.

Было в нашем городе двадцать две церкви. Между прочим, этот факт, если он и упоминается в современных рассказах о Стародубе, почему-то ставится ему в вину, как будто сам город был виновен в том, что славные народные мастера тут рубили из дерева и клали из камня чудесные храмы.

Должно быть, эта неверная точка зрения на памятники зодчества и послужила причиной, почему из двадцати двух церквей в городе осталось три и те не взяты под охрану государства. Первой разобрали огромную пятиглавую Спасскую церковь, восходящую к 1698 году, и сложили из добытого таким образом кирпича небольшую мастерскую МТС; старинная кладка оказалась настолько прочной, что разъединить кирпичи было почти невозможно.

Затем начали исчезать с лица стародубской земли и другие памятники архитектуры. Среди бела дня на глазах районного начальства происходил ничем не прикрытый разбой, грабёж — растаскивались уникальные, древнейшие здания. Совсем недавно снесли храм Иоанна Предтечи, построенный в 1720 году в стиле украинского барокко...

Голос в защиту церкви Иоанна Предтечи подняли некоторые ученые Киева. Стародубские краеведы и все, кому дороги история и искусство родной земли, в меру сил протестовали против цивилизованного варварства, но местные власти, в частности тогдашний председатель горсовета Курник, проявили завидную настойчивость, и церковь, простоявшая двести сорок лет, была разорена. Кстати сказать, на освобожденном тихом и живописном участке, под сенью столетних лип очень быстро выросла большая и благоустроенная усадьба Курника» (стр. 56-57).

Оказывается, председатели горсоветов имеют «усадьбы». Интересно было бы узнать, эти усадьбы наследственные? И стоило ли помещиков менять на «председателей горсоветов»? Первые хоть старинных церквей не сносили.

Дело касается, конечно не только Стародуба. То же творится и в окрестностях города: «Предвкушая свидание с чем-то прекрасным, я решил начать знакомство с самой близкой к Стародубу Мериновки. Но свидание не состоялось. Церковь, построенную по плану знаменитого русского архитектора Кваренги, снесли во время очередной антирелигиозной кампании. Не состоялись свидания и в других селах, всюду мне могли показать только места, где еще не так давно стояли памятники русского зодчества.

Что же это такое, товарищи?!» (стр. 58).

Недоуменный вопрос автора можем повторить и мы: действительно, что это такое? А вот другой случай того же «цивилизованного варварства»: «Много раз напоминал о себе подземный, неизвестный современникам Стародуб. Недавно рабочие, рывшие траншею для водопровода, натолкнулись на подземную галерею, глиняные стены которой украшала примитивная живопись. И вы думаете, эту находку сфотографировали, сняли копии, помчались на телеграф, чтобы вызвать археологов из Москвы? Ничуть не бывало! Рабочие продолжали рыть траншею, бульдозер — равнять площадку. Галерея обвалилась, и неизвестная настенная живопись погибла навсегда» (стр. 59).

Тут же автор вплетает повествование о слышанном им от бабушки случае, когда «земля разверзлась и открылась глубокая яма». Из этого отверстия изливалось какое-то необыкновенное благоволение. Автор объясняет это тем, что «пахла сама земля, взятая из глубины; ее пропитали пахучие масла, или духи, или праности — кто знает». Объяснения эти звучат неубедительно; возможно, что там были мощи, но, этого автор сказать не смеет.

Казалось бы, в таком старинном городе обязательно должен быть музей, тем более, что и в городе, и в его ближайших окрестностях до наших дней продолжают интереснейшие находки. Но... это нам кажется, а на самом деле положение иное: «С музеем городу не везет. Некое подобие такого учреждения имелось когда-то при мужской гимназии. В трех комнатах хранилась старинная церковная утварь, иконы древнего письма, оружие, монеты, шеломы, а в сарае — карета времен Анны Иоанновны с уборной и помещением для лакеев. В годы революции и гражданской войны экспонаты эти куда-то исчезли. Дольше всего просуществовала карета. Правда, сукно предпринимчивые дельцы использовали на штаны, кожу — на шлеи, а остов достался стародубской пожарной команде. Несколько лет пара добрых коней, тяжело дыша, таскала неуклюжую громадину, приспособленную для перевозки воды» (стр. 61). Вслед за этим, Г. Метельский повествует о попытке создать музей в Стародубе в послевоенное время. Нашлись энтузиасты, которые горячо принялись за это начинание, население тоже откликнулось. Главный зачинщик этого дела, местный учитель географии горячо принялся за дело, ходил в разные учреждения. На словах все они его поддерживали, и автор меланхолично заканчивает повествование о попытке создания музея в Стародубе такими словами: «Все эти разговоры происходили несколько лет назад, однако музея в Стародубе нет до сих пор».

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 66

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Он тоже не понимал точно полного значения известия. Но если позавчера сменили весь Верховный Суд, а сегодня — премьер-министра, то это были шаги Историн.

Шаги истории, и не моглось думать и верить, что они могут быть к худшему. Еще позавчера он держал выскакивающее сердце руками и запрещал себе верить, запрещал надеяться!

Но прошло два дня — и все те же четыре бетховенских удара напоминающие грохнули в небо как в мембрану.

А больные спокойно лежали в постелях — и не слышали!

И Вера Гангарт спокойно вводила в вену эмбихин.

Олег выметнулся, выбежал — гулять.
На простор!

20

Нет, он давно запретил себе верить! Он не смел разрешить себе обрадоваться! Это в первые годы срока верит новичок каждому вызову из камеры с вещами — как вызову на свободу, каждому шопоту об амнистии — как архангельским трубам. Но его вызывают из камеры, прочитывают какую-нибудь гадкую бумажку и заталкивают в другую камеру, этажом ниже, еще темней, в такой же передыханный воздух. Но амнистия перекладывается — от годовщины Победы до годовщины Революции, от годовщины Революции до сессии Верховного Совета, амнистия лопаётся пузырьком или объявляется вора, жуликам, дезертирам — вместо тех, кто воевал и страдал.

И те клеточки сердца, которые созданы в нас природой для радости, став ненужными — отмирают. И те кубики груди, в которых ютится вера, годами пустиют — и иссыхают.

Вдосыть уже было поверено, вдоволь уже он освобождался и возвращался домой — наконец, хотел он только в свою Прекрасную ссылку, в свой милый Уш-Терек! Да, м и л ы й! — удивительно, но именно таким представлялся его

ссылный уголок отсюда, из больницы, из крупного города, из этого сложно заведенного мира, к которому Олег не ощущает умения пристроиться, да пожалуй, и желания тоже.

Уш-Терек значит «три тополя». Он назван так по трем старинным тополям, видимым по степи за десять километров и дальше. Тополя стоят смежно. Они не стройны по-тополюному, а кривоваты даже. Им, может быть, уже лет по чetyреста. Достигнув высоты, они не погнались дальше, а раздались по сторонам и сплели мощную тень над главным арыком. Говорят, и еще были такие деревья в ауле, но в 31-ом году их вырубил. А больше такие не принимают. Сколько сажали их пионеры — обглядывают их козы на первом возрасте. Лишь американские клены взялись на главной улице перед райкомом.

То ли место любить на земле, где ты выполз кричащим младенцем, ничего еще не осмысливая, даже показаний своих глаз и ушей? Или то, где первый раз тебе сказали: ничего, идите без конвоя! С а м и идите! Своими ногами! «Возьми постель свою и ходи!».

Первая ночь на полусвободе! Пока еще присматривалась к ним комендантура, в поселок не выпустили, разрешили вольно спать под санным навесом на дворе. Под навесом неподвижные лошади всю ночь тихо хрупали сено — и нельзя было выдумать звука слаще!

Но Олег полночи заснуть не мог. Твердая земля двора была вся белая от луны — и он пошел ходить как шальной, нанскось по двору. Никаких вышек не было, никто на него не смотрел — и, счастливо спотыкаясь на неровностях двора, он ходил, запрокинув голову, лицом в белое небо — и куда-то все шел, как будто боясь не успеть — как будто не в скудный глухой аул должен был выйти завтра, а в просторный триумфальный мир. В теплом воздухе ранней южной весны было совсем не тихо: как над большой разбросанной станцией всю ночь переключаются паровозы, так во всех концах поселка всю ночь до утра из своих загонов и дворов трубно, жадно и торжествующе ревели ишак и верблюды — о своей брачной страсти, об уверенности в продолжении жизни. И этот брачный рев сливался в том, что ревели в груди у Олега самого.

(Продолжение следует)

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ
В ЗАЛЕ С.-ТРОИЦКОГО СОБОРА
(Бразиль 315)

В воскресенье 2-го ноября с. г.
будет показан документальный, исторический фильм

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II
и фильм

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНОЙ ДОСКИ
(10-го августа с. г. в ЦРБ)

Начало в 17.30 часов

Вход 200 песо

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ
В субботу 25-го октября с. г. в Центре Русских Белых
устанавливается

ВЕСЕННИЙ БАЛ

Входная плата 300 песо, для учащихся 150 песо.
Начало в 21.30 часов.

† 8-го октября с. г. после продолжительной тяжелой болезни скончался на 73-ем году жизни

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ КОЛТАНОВСКИЙ,

о чем с прискорбием извещают вдова и друзья покойного. На 9-й день, в четверг, 16-го октября в 20 часов в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена ПАНИХИДА.

† 8-го октября 1969 г. после продолжительной тяжелой болезни волею Божией почил

ПОРУЧИК ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ КОЛТАНОВСКИЙ,

Правление Общества Православный Русский Очаг выражает сочувствие осиротевшей Наталии Львовне в постигшем ее горе.

† По случаю исполнившейся годовщины со дня кончины

ПОЛКОВНИКА

ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ГРАНИТОВА

в воскресенье 19 октября с. г. в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (Núñez 3541) после Божественной Литургии будет отслужена панихида, о чем извещает семья покойного.

ПРЕЛЕСТИ „ИНТУРИЗМА“

(КРС) В 32-ом номере „Литературной газеты“ напечатано обстоятельное письмо переводчицы „Интуриста“ Викторини Вершковой-Сдобновой. Оно озаглавлено „Я работаю гидом“. В нем автор рассказывает о тех многочисленных неполадках, трудностях и проблемах, которыми усыпан путь как сотрудников советской государственной организации „Интурист“, так и приезжающих в страну иностранных туристов.

Переводчица „Интуриста“ В. Вершкова-Сдобнова останавливается, главным образом, на тех бытовых и технических неполадках, которые испокон веку присущи всякой социалистической организации хозяйства и жизни вообще. Это те самые явления, которые жители коммунистических стран давно уже окрестили: „постоянные временные трудности“.

Автор пишет, что неполадки начинаются уже с первой минуты, как только самолет с иностранными туристами приземляется на столичном аэродроме. Минуты ожидания трапа постепенно превращаются в получасовое сидение, и, как пишет переводчица, „настроение падает“.

Если на улице холодно и идет дождь, то потом в автобусе тоже оказывается сыро и холодно: отопление не работает. Легко одетые пассажиры зябнут, московские пригороды перестают интересоваться.

А тут еще выясняется, что микрофон не работает, приветствий и пояснений переводчицы люди не слышат, приходится кричать. И приходится сокращать рассказ об интересных местах по дороге в город. Автор пишет не без иронии, как она мечтает хоть раз провести экскурсию по Москве в том самом советском автобусе, что „экспонировался в Ницце“.

Дальше она описывает работу гостиниц, причем речь идет о столице, да еще о таких первоклассных, как „Россия“ и „Украина“. В ожидании лифта люди теряют по 15-20 минут, потому что на три тысячи человек строители гостиниц спроектировали два лифта, в лучшем случае четыре. А лестницы так „замаскированы“, что их невозможно отыскать, хотя находятся охотники подняться пешком хоть на десятый этаж. В течение двух часов прибывшие не

могут дождаться, когда им доставят их чемоданы в номер: один час уходит на то, чтобы их привезти с аэродрома (багаж почему-то везут отдельно), другой час теряется в вестибюле, из-за нехватки персонала и плохой организованности.

Коридорные девушки не владеют иностранными языками, и туристы никак не могут разрешить пустяковых проблем. А дело организовано так, что кормят туристов в другом здании, куда надо идти либо по улице, либо по узким извилистым коридорам, со спусками, при плохом освещении и мимо разных хозяйственных служб, забитых тарой и прочими малоэстетическими предметами.

Как водится, все ходы, лестницы, антресоли и коридоры в так называемых „высотных зданиях“ всюду одинаковы по внешнему виду, и люди никак не могут определить, в какой части здания они очутились.

Автор не описывает провинциальных условий. Лишь мельком упоминает о „бесцеремонных“ надписях на английском, французском и немецком языках в Сочи на пляже, где запрещается пьянствовать, ругаться и хватать плавающих за ноги!

Но все это — одна сторона дела, которую сотрудница „Интуриста“ в ходе изложения называет „соринками“. К этому можно было бы добавить, что туристические поездки в СССР необычайно дорогие. День пребывания в СССР вдвое, а то и вчетверо, дороже того, что тратят туристы в день при таких же коллективных поездках по западноевропейским странам.

Вершкова-Сдобнова сообщает, что „ежедневно в Советском Союзе в летние месяцы находится до 30-40 тысяч иностранных туристов“. Это ничтожно мало, по сравнению с Западной Европой, где кочуют миллионы. Административные стеснения, неблагоустроенность и дороговизна душат иностранный туризм в СССР. А ведь это в наше время — не только вид отдыха и культурного сближения народов, но и очень выгодная отрасль экономики. Советское правительство это понимает, и недаром ЦК КПСС, Совет министров и ВЦСПС приняли в июне постановление о развитии внутреннего туризма. Но подлинный прилив средств приносит зарубежье. А едут в массу совсем не богачи. Это отмечает и переводчица в своем письме.

Наконец, она отдает дань и партийным внушениям: она, хотя и мельком, но упоминает и про молодых подсоветских парней, которые либо выменивают, либо выпрашивают что-либо у туристов, а также про иностранцев, которые приезжают, по ее словам, с враждебными целями. Но тут как раз и скрыты самые большие препятствия для развития иностранного туризма. Враждебными и наказуемыми считаются и свободное общение с людьми, и привоз литературы, и вывоз рукописей. Но о такого рода „соринках“, равно как и о недремном надзоре со стороны органов госбезопасности, автор статьи, естественно, не распространяется. А стоило бы. ●

ХРОНИКА

4-го октября с. г. в 19 часов в помещении Центра Русских Белых состоялось собрание, на котором была представлена публике и объявлено о выходе в свет книги Сергея Шпаковского „ЖЕНЩИНА - ВОИН“. На приеме присутствовало 116 человек. Собрание посетили: генерал ген. штаба Хуан Хосе Хиральда (автор предисловия к представляемой книге), хорватские генералы Геренчич и Рубчич, майор-профессор А. Лападула, аргентинская писательница Клара Шуманн (награжденная в прошлом году премией за лучшую книгу в году), главный директор рекламного предприятия З. Микан, представитель Южного Вьетнама, принц Евгений Гольштинский, председатель У.Д.Е.А. г-н Луис Цезарь Перасо, директор О-ва Голоса Свободных Людей Истории г-н Доминго В. Геррера, председатель Всеаргентинского Союза Кооперативов г-н Луис Карлос Ариас Варела, представители хорватских Легионеров г-да Гаврич и Окадар, председатель Хорватского Очага, редактор газеты „Хорватский Народ“ г-н Бегич.

Русские организации были представлены следующими лицами: председатель ЦРБ Н. М. Седяревич, вице-председатель Союза Св. Благ. Вел. Кн. Александра Невского А. Ю. Янушевский с супругой, представительницы Толстовского Фонда баронесса Т. В. Черкасова и К. К. Иванова, редакторы русских газет: „Нашей Страны“ Т. В. Дубровская и „Русской Газеты“ М. М. Седяревич, майор В. Б. Островский.

Были получены 11 телеграмм, несколько поздравительных писем и букеты цветов. После приветственных речей автор книги поблагодарил присутствовавших и пригласил всех на бокал шампанского. Отрадно было услышать похвалы соотечественнику и узнать, что эта книга переводится на хорватский язык и уже издается на испанском.

Нельзя не упомянуть о любезности г-жи Ангелики Косте де Флориани, которая со своим ансамблем исполнила несколько вокальных номеров, после чего Мария Седяревич исполнила русский боярский танец. Малюхан

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

По случаю Общевоинского Казачьего праздника Покрова Пресвятой Богородицы в воскресенье 19-го октября в помещении Центра Русских Белых в 15.30 часов состоится

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ И ТРАПЕЗА

Собрание начнется общей молитвой.
Участие в трапезе оплачивается в сумме 500 песо.
На это торжество приглашает казачек, казаков и друзей казачества
Правление Общеказачьего Союза в Аргентине.

Вышла из печати и поступила в продажу книга
СЕРГЕЯ ШПАКОВСКОГО

„ЖЕНЩИНА - ВОИН“

Эта книга содержит ряд очерков о героинях женщинах всех эпох и народов.
Цена: 6 американских долларов; в Аргентине — 1200 песо с пересылкой.
Заказы адресовать:

TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dep. 10 — Buenos Aires (30) — Argentina

ОРТОПЕДИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

ORTOPEDIA ALEMANA

Протезы, мужская и женская ортопедическая обувь, корсеты, резиновые бинты и т. д. из лучшего заграничного и местного материала. Исполнение заказов быстрое и точное. Говорят по-русски. Предъявителям этого объявления и русским инвалидам особая скидка.

CALLE LIBERTAD 845 — CAPITAL — T. E. 44 - 3213

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organismo Monárquico Ruso

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Durante ese mismo período los bolcheviques supieron convertir en sus enemigos a los representantes de todas las capas de la sociedad letona. Cuando entraron en Riga, los habitantes de Moskovski Forsztadt, un suburbio obrero de Riga, les aplaudieron. Cuando salieron, disparaban desde las ventanas contra ellos. También en Moskovski Forsztadt.

(Continuará)

Продается РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Всештатная и заграничная
клиентура. Дело на ходу.

443 Balboa Street, San Francisco,
Calif. 94118, U.S.A. Tel. SK 2-5769

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

A. V. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские
снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Río de Janeiro по улице Corrientes.

Продается ДВУХЭТАЖНЫЙ ДОМ

в Belgrano.

Стоимость: 4.750.000 арг. песо.
Также продается мебель.
За справками обращаться по
телефону 76-9471.

Розыски

КРАЙТОР Алексея Михайловича и жену его Грету разыскивает тетка.

Адрес — Ridge Rd., Parma 29, Ohio, USA — известен. Не откликаются. Прошу сообщить сведения в Редакцию газеты „Наша Страна“.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ

Abogado y Ex-Jefe de Tribunal
de Yugoslavia
TRADUCTOR PUBLICO
Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков
М. Д. ГОЧЕВАР

Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз
LAVALLE 1570, p. 4
T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires